



Александра
Половинкина
НРАВИТСЯ
СТРАДАТЬ
стихотворения

Александра
Половинкина

Нравится страдать



Оренбург
2019

УДК 82-1

ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

П 52

Эта книга издана в рамках реализации
социально значимого проекта «Всероссийский семинар-
совещание молодых писателей „Мы выросли в России“»

с использованием гранта

Президента Российской Федерации
на развитие гражданского общества,
предоставленного Фондом президентских грантов



Оренбургским региональным отделением
Союза российских писателей

Александра Половинкина. Нравится страдать. Стихо-
творения. — Оренбург: Издательский центр МВГ,
2019. — 40 с.

ISBN 978-5-9070808-3-6

12+

© Александра Половинкина, стихотворения, 2019 г.

© Издательский центр МВГ, 2019 г.

* * *

Можно мне полежать на твоём плече?

/мнёт в кармане выгоревший билет/

В этих лампочках тысячи сот свечей,
но никто почему-то не гасит свет.
Засыпаю до следующей на последней,
долежусь до отёков, до пролежней

/как котёнка, гладит рюкзак на коленях/

Чужаки, а значит, друг другу нужней.
Грохот, голос соседей. Но ты молчишь

/нам не хватит времени на разговоры/

От ладоней до спрятанных в ткань ключиц —
мы беспомощны, скованы, незнакомы.
Остановка. Раскрыться, раскрыть глаза. Лучше
чувствовать злобу, чем жгучий стыд. Из окна виден
старый пустой вокзал

/засыпай поскорее и крепче спи/

* * *

Потому ты мне не жертва и не трофей,
Что я дефективный хищник, плохой добытчик,
Я не охотник, почти что не дикий зверь.
Стыдно. Рычу от страха и по привычке.

Отмычкой к замку логова — твоя ладошка,
Да ты не выходишь из дому без перчаток.
Свет убегает из сколотой медной плошки,
От всполохов спрятаться в горечавке.

Звери боятся проснуться под колпаком,
Выдать убежище, в ржавом застряв капкане,
Возле калитки твоей вылило молоко.
Прямо с земли молоко языком лакаю.

Смелые любят ходить на клыкастого в лес,
Мало кому повезло легко завладеть трофеем:
— Этот вот, видишь, в дом ко мне чуть не залез,
Скалился, сволочь, прямо у самой двери.

* * *

Вскрыт, препарирован, вывернут наизнанку,
Это банально, это несвеже. Двадцать.
За шиворот обещали выложить манку,
А сняли за шиворот, не дав доболтаться.

Стагнация. Остановки на каждой станции,
На каждой стадии — задержки развития.
Будь д`Артаньяном, я буду Констанцией,
В конце всё равно решили убить её.

Тебя-то тоже убить решат обязательно,
Ничего личного: конкуренция, бизнес.
Встретимся на параллельно-касательной,
Буду, как пёс, твои руки облизывать.

Обзывать тебя буду подлым предателем,
Но всё равно в конце пойду за тобою,
Нас обязательно хватятся. Схватят ведь.
Хочешь секрет? Я Зена — царица воинов.

* * *

Расплакаться в комнате у своего врага,
Зайцем в автобусе, зайцем бы до конечной,
Некому больше выслушать и поругать,
Даже бы просто выгнать по-человечьи.

Волками одеться овцам — остаться целым,
Целым единым стадом, большим отрядом.
Может, сегодня станем одним картелем,
Всем остальным — ножа/огнестрела/яда?

Ада. Нам с тобой ада, как в старой книге,
Вырезан. Выхвачен из-за окна сентябрь,
По подоконникам, почтовым щитам раскидан.
Тянет к решеткам чёрные ветки-грабли.

Можно забыть о милосердии к ближним,
Видишь, стекает капля по подбородку?
Там за окном дождь доедает вишню,
Здесь за порогом током искрит проводка.

Утром не видишь солнца, не чуешь даже,
Кто-то успел, наверно, убить кого-то,
Это совсем не грустно, совсем не страшно.
Капля стекает медленно по подбородку.

* * *

На полу моём разбросаны платья и кофточки,
На столе — медвежата и куклы в бантиках.
Я затворница, призывница-срочница,
Мне поручено вышивать тебя.

Золочёными нитками, маленькими стежками,
Полотно в руках, а кончается за порогом.
Вышиваю гладью, крестиком и стишками,
Я своими стишками вышиваю тебя понемногу.

Ночь ещё, потом утро и новый настанет вечер.
Ничего. Завершится вскоре моя работа,
Полотно тяжёлое рухнет ковром на плечи,
И слетит с него птица, горящая позолотой.

От тепла на полу и на полках затлеют тряпки,
И от плюшевых мишек останется только память,
Мне придется надеть огнеупорный фартук,
Или тоже сгореть,
Или тоже растаять.

* * *

Гнилость под кожей не скроет ретушь,
Выкатил, пялишь глаза на ратушу,
Вместо зрачка и радужки — бездушь,
Чёрная в ворот стекает тушь.

Тушь та, которой рисуют в профиль
Женщин с накрашенными глазами
Тушью. Но ты свою долю пропил,
Старый художник сказал: «Слезай уж.

Вон с пьедестала, плохой натурщик,
Ты не умеешь держаться прямо,
Клуб живописцев давно распущен,
Пусть тебя дома напишет мама».

Мама напишет: творога, хлеба,
Деньги возьми на столике в зале.
«А почему ты так долго не был?» —
Даже не спросит потом глазами.

Вырежешь кривенькую, как в детстве,
Птицу из разноцветной салфетки,
Будто получится ей утереться,
Стать сразу святым, бессмертным, крепким.

* * *

Ночь. Тёмная, как твои глаза,
Сухие листья летят в окно.
К лицу материнство ей — ты сказал,
Ей здесь, как дома, дышать легко.

Она выходит ночью одна,
Ей запах хвои — как дым печной,
Там за околицей тишина,
В плену у елей — злой волчий вой.

Она вздыхала бы о своём,
Но в люльке плачет её дитя,
Недолго прожили вы вдвоём,
И, как луна, родился я.

Ты смелый опытный следопыт,
Она, как рысь, всегда одна,
И если слышится стук копыт,
Она бормочет: беда, беда.

Я прячусь в тереме, тихо там,
Ты к нам — с охоты, стынет ружьё,
Она рыдает в твоих руках
И жадно ест лесное зверьё.

Ты говорил: будет славный сын,
Почётом бы осветил наш дом.

Я слышу: там в лесу ноет сыч —
И злобу сдерживаю с трудом.

Вмиг просыпается в темноте
И оставляет, рубашкой скрыв,
На теле её вырастает мех,
Тьму разъедает суровый рык.

Наутро вспомнить не может, как
Свои ладони резала в кровь,
Она рыдает в твоих руках,
А ты ей шепчешь: наверно, волк.

И завтра снова возьмёшь ружьё,
Пойдёшь на вой. Голубеет лес.
Крадётся волк с глазами её.
Конечно, мама, я дома, здесь.

* * *

Пепельницу не меняю, в ней затаились окурки —
Следы твоего пребывания на моём подоконнике.
А может, ещё остались фантики в кармане куртки
От конфет, что воровали в соседнем дворике.

Там, за окнами, пьяный гул, как церковный набат,
Созывает приход, чтоб венчаться с ночью опять.
Каждый волк — поневоле, значит, другому брат,
Но всё так же свободно может продать и распять.

Силуэты прохожих балансируют на поребриках,
Потолок смотрит глазом лампочки обречённо.
За меня тебе вряд ли обещано тридцать сребреников,
Так зачем тогда целовать было в левую щёку?

Темнота навалится порчей, потом расплачется,
Будет в окна стучаться, просить убежища,
Прокрадётся, со мной останется — не чета тебе,
И умрёт на рассвете, приняв неизбежное.

* * *

Знаешь, этот голод откуда-то из груди,
Он совсем не из высохшего желудка.
Не уходи, пожалуйста, погоди,
Посиди со мной ещё хотя бы минутку.

Я чувствую голод, голод гонит меня,
Заставляет злиться, искать добычу.
Но я, как всякий зверёныш, боюсь огня,
Я боюсь человеческого крика и клича.

Ты приманиваешь меня запахом и теплом,
Но, заметив, хватаешь сигнальный факел.
Накорми меня дымом, опаляющим шкуру костром,
А потом,
А потом
Пусть меня растерзают твои собаки.

* * *

Здесь жилище для чудаков,
Но мне кажется, ты хороший,
Битость окон улицу крошит,
На двери — следы от клыков.

Люди хуже клопов на кухне,
Каждый угол — угол отхожий,
Но, я думаю, ты хороший,
Зря, входя, остаёшься в куртке.

Пахнет ладанкой сигарета,
К тебе льнёт моя злая кошка.
Она чувствует: ты хороший.
И я тоже. Я знаю это.

* * *

Не слушаться маму плохо,
За это ругают в садике,
Вино на кофте засохло,
Стало похоже на ссадину.

Ночь с акцентом южанки
Приходит и бьёт наотмашь.
Мы просто играем в салки,
И ты, как обычно, водишь.

Я убегая (спрячь, мама)
И забываю, что двадцать.
Вино на кофте, как рана,
И южная ночь, как карцер.

* * *

Обретаю себя плоть от плоти,
Сам и эмбрион, и утроба —
Центурий в римской когорте,
Мертвец, пропавший из гроба.

Каин, любящий своего брата,
Отправляюсь на отцеубийство:
Отче, отец, авва, папа —
Безумец с руками садиста.

Отделяю от рёбер куски мяса,
Приношу к алтарю в его славу,
По спине — густое и красное,
На лице — смирения балаклава.

Запиваю дешёвым кагором
Застрявшие в глотке молитвы.
Центурий из римской когорты,
Мертвец в гробу монолитном.

* * *

Я болотная топь, трясина, в которой рассвет завяз,
И уже третий день в городке темно,
Если сделаешь шаг, рухнешь в хлюпкую грязь
И плитой гранитной пойдёшь на дно.

Станут сказки ночами шептать старые камыши,
И вечерню справят жаб голоса,
Там на дне только тина и несколько старых шин,
Да чего бы там ни было — не бросай.

Не бросай меня. Лишь бы вытерпеть до утра,
Ряску вымарает позолота —
Так живое солнце выйдет из моего нутра
И осушит до самого,
Самого
Дна
Болото.

* * *

В бар бравой походкой входит толпа ковбоев,
Сметая столы и стулья, уснувших гуляк матеря,
У них стволы, до отказа набиты обоймы,
С ними пьяная девка, и это — я.

«Билли, мой милый Билли, кого я вижу?» —
Бармен, заикаясь, протирает гранённый стакан.
«Налей-ка четыре виски, но пятый с вишней,
Виски для нас, вишня для милых дам».

Билли кивает на тёмный профиль, во взгляде похоть,
Билли, мой милый Билли надеется на взаимность,
Верит: за виски с вишней мой наглый хохот
Станет кокетливым, пойду на ручки,
от счастья взвизгну.

Я отвечаю Билли: «Сволочь, пошёл ты к чёрту!».
Секунда. Хватает заряженный револьвер.
Джон становится между нами и барной стойкой:
«Билл, малолетний придурок, оставь девчонку!».
Залпом всё выпил. Молча за столик сел.

Джон побывал на краю и земли, и неба,
Шрам от индейца, от медведя и от огня,
Каждая, видя Джона, вздыхает: такого мне бы!
А Джон почему-то мечтает в постель уложить меня.

Разве о чём-то другом он может думать всерьёз?
Я отбираю у Джона шляпу широкополую,
Надеваю поверх растрёпанных рыжих волос
И хохочу, будто требуя свинца или олова в голову.
А он не стреляет. Джон, ты проклятый пёс!
Я хохочу,
А он
Не
Стреляет.
Дурное дело,
Джон долго смотрит в упор и терпеливо ждёт,
Джон разбивает стакан и кулак о стену.
«Ясно теперь, на кого вся обойма уйдёт! Вперёд!» —
Я постаралась искренне, как сумела.

Кто-то за столиком шепчет, пихая жаркое в рот:
«Если сегодня Джон её не убьёт,
То, вероятно, завтра женою сделает».

* * *

Тёмные кудри пахнут Евфрата и Тигра тиной,
Может, из вымерших городов Палестины
Пришла ты? Глазницы —

миндаль с черносливом зрачков.

Кто вылепил тело твоё, будто амфору тонкую?
Увидев тебя, самый мудрый из стариков
Вздыхает и в бороду прячет досаду ребёнка.

* * *

Ошалелые снежинки мне в лицо,
Мой создатель был отменным подлецом,
Он слепил меня из глины, изо лжи,
Чтоб могла я всем неправедным служить.

Кожа соткана из саванов мертвецов,
Пряди — всполохи языческих костров,
А в глазах тревожный морок, тьма болот,
Извивается змеёй в улыбке рот.

* * *

Распласталась на своей лежанке без простыней,
Зрачки к потолку прибиты, невольно слушаешь,
Как за стенкой соседи воспитывают детей —
Будущих неврастеников и пациентов психушек.

Этот круг не разомкнуть, сама в нём вращаешься,
Ты никого не жалеешь, не пытаешься больше спасать,
Если здесь сейчас разгорится внезапно пожарище,
Ты и себя не вынесешь, спрячешься под кровать.

Так к чему словоблудие, споры да сор из избы?
Из окна бросить взгляд за окурком — и всё понятно,
В этом месте каждый вымучен и избит,
Кто-то более, кто-то менее аккуратно.

Ну чего ты хочешь? Нравится биться в конвульсиях,
Нравится плакать, руки выкручивать,
мысли — в плеть?

Что же, найди себе очередного исусика,
Который будет миловать, выслушивать и жалеть.

Только потом не иди вместо него на распятие,
Не тащи его крест на своей обожжённой спине.
Ты абсолютно одна в городе, квартире, кровати,
Как соседские дети, как все на этой земле.

Её не крестили Марией, морили города её именем,
Так забирай свою лживую книгу и прочь уходи.

* * *

Кесарю кесаря, а мне себя,
Другого здесь ничего и нет.
Если дотяну до конца января,
Обязательно куплю сигарет.

Меня тошнит от запаха табака,
Рвёт от вида улиц среди зимы,
С ложкой баланды дрожит рука,
Отличий нет у тела и у тюрьмы.

Два часа ночи: из окон вой,
Панцирной сеткой скулит кровать,
Тюрьма, которая всегда с тобой,
Но узник знает: можно сбежать.

Газетами заклеены зеркала,
Из рук выпадая, бьётся стекло.
Тюремная зона слишком мала
Для кесарева и для моего.

* * *

Войти в комнату: на обоях ручкой —
стихи Маяковского,
Постер с глазами волчонка в половину стены,
Открыть окно. А из него столько весеннего воздуха!
Как можно не верить, что нет ни старости,
ни тюрьмы?

Кажется, будто апрельская оттепель
никогда не закончится,
А если закончится, после неё обязательно будет май,
Заснуть не страшно и даже с утра
просыпаться хочется,
Но только не по команде, чтоб из кухни кричали:
«Вставай!».

А так, чтоб однажды, когда небо серое
и выдыхает влагой,
Услышать грачей и решиться сбежать назло им всем,
Схватить карандаш, спрятать в куртке листы бумаги,
Убежать далеко. Навсегда. До завтрака. Насовсем.

* * *

Подожди паковать чемоданы,
 мнить себя свободным художником,
Ты винишь маленький городишко
 в своём одиночестве,
Вернись туда, откуда достал жетон на метро
 и проездной «Подорожник»,
Вернись туда, откуда достал мифы
 про Дворцовую и белые ночи.

Не нужно обольщаться музыкантами
 на каждой станции,
Они отравлены, их тошнит
 песнями «Сплина» и Цоя,
Это всего лишь место на карте, город,
 а не реанимация,
Хотя, пожалуй, здесь тебя намного быстрее вскроют.

Здесь то же самое солнце, только приходит реже,
 холодный рассвет,
Но ты готов всё, что имеешь, на него выменять.
 И выменял.

Следующая станция — «Невский проспект»,
Переход к поездам третьей линии.

* * *

Расплачиваясь на кассе, она улыбалась кассирше,
Уверенно отвечала: «Нет, шоколад будет лишним»,
А я дрожала в углу её грудной клетки,
Мне было страшно, я хотела с прилавка конфетку.

Она захлопнула сумку, изящно взяла пакет,
Охранник так странно смотрел ей вслед,
Мне снова страшно: охранник такой взрослый,
Она споткнулась, ссутулилась,
наверно, стесняясь роста.

Я робко прижала коленки свои к подбородку,
Она поежилась: «Чёрт, ну и погодка».
Спускаться по лестнице стала, неверно шагнула,
Каблук зацепился за что-то, прошипела:
«Какая дура!».

Мне стало стыдно, я чувствовала себя виноватой,
Она пожалела, что отказалась от шоколада.
Дошли до подъезда, у входа толпа подростков,
Я затряслась, я родилась в конце девяностых.

Она открыла дверь почему-то дрожащей рукой,
«Здравствуйте», — к ней обратился один
высокий такой,

Я растерялась: такие большие
с ней говорили на «вы»,
Она им сказала «привет» голосом бодрым и боевым.

Быстрее в подъезд, подняться на наш этаж,
Закреть дверь на ключ, снять обувь, стереть макияж,
Одеться в домашнее, калачиком — на диван,
Я буду требовать мультиков, она —
искать детский канал.

* * *

Ты мой белый лисёнок, я твой рыжий лисёнок,
Мы друг друга встречали в виденьях и снах,
Лисы прячутся в чащах, лисы прячутся в норах,
Лисы прячутся в рыжих моих волосах.

Ты послушный ребёнок, ты хороший и скромный,
Ты умеешь мечтать и умеешь юлить,
Я испуганно жму к себе хвост, мир огромный,
Мир опасный, он хочет меня изловить.

Мы по древним тропинкам, по лесам и болотам
Век искали друг друга, и тогда глупый нюх
Находил нам кого-то, но случалась охота,
И охотникам нужен был лисий наш дух.

Мы бежали со страху, мы бежали по снегу,
Мы летели по небу, не чувствуя ног,
Мы почти потерялись, разбрелись по планетам,
Но сегодня нос к носу столкнул лисий бог.

* * *

Я принесла тебе в детских ладонях черешню,
Тёмно-бордовая кровь под кожицей нежной,
Губы окрасит, в горло стечёт — безгрешна,
Но и черешню время не пощадит, конечно.

Видишь, под деревом косточки полуистлевшие?
Видишь, здесь не растёт ничего — проплешина?
Но в детских ладонях моих черешня: свежая,
Вешняя.
Ешь же её,
Ешь её,
Ешь меня.

* * *

В одиночку можно, конечно, прожить,
Только грустно бывает по вечерам.
Я спросила у солнца: «Можно с тобой дружить?».
А оно сказала, что я слишком мала.

Я тогда дождалась, пока выйдет луна,
И луне задала я такой же вопрос.
А она посмотрела, полноликая, свысока,
Рассмеялась: «Ты это же не всерьёз?».

Я осталась в доме совсем одна,
Погасила во всех комнатuşках свет.
Не суётся ко мне гордячка луна,
Да и мне до неё теперь дела нет.

С пыльных полок откуда-то я сняла
Куклу старую, только с одной рукой.
Я ей косы красивые заплела
И спросила: «Ты будешь дружить со мной?».

Пухлых губ не разжала кукла в ответ,
Всё смотрела, безмолвствуя, в пустоту.
Слишком много месяцев или лет
Оставляла я куклу совсем одну.

И она разучилась меня понимать,
Только взглядом стеклянным сверлила пол.
Я тогда её бросила на кровать
И покинула свой одинокий дом.

* * *

Позови её, тотчас же прибежит,
Только ты одиночеством одержим,
Как какой-то карикатурный жид
Своим богатством.

Она шепчет: «На, ладони мои держи».
Но моря бездонные — миражи.
В бесконечных песках упокоен джинн,
Продан в рабство.

Лампу жадно скребёт, чтобы ей служил,
До набухших, жирных на шее жил,
Напряжённо, с алчным азартом раджи,
Ищущим царство.

Жаль, не внемлет больше мольбам чужим,
Похоронен заживо стражник лжи,
И совсем не важны желание и нажим,
Придётся сдаться.

* * *

По струнам гитарным плясали пальцы,
Алый цветок в волосах горел,
Ты был похож на сеньора-испанца,
Я — на цыганку-смутьянку Кармен.

По тонкой талии скользили ладони,
Костёр обжигал поцелуями тьму.
«Всё безразлично, все тленно, кроме
Губ этих алых, без них умру».

Проволока чёрных кудрей на плечи,
Алое в алом не разглядеть.
Звёзды — свидетели нашей встречи —
В жарком аду мне сулили сгореть.

Солнечный лучик рассветом скован,
И, умирая, чуть дышит огонь.
Алый цветок почернел, обескровлен ...
— Донна моя, собирайтесь домой.

* * *

Наелась в буфете дряни,
Наела плюс три кило,
Чулки порвала когтями,
Купила домой вино.

Горлышко в отпечатках
Моих гадко-красных губ.
А у него под перчаткой
Печатка и жёлтый круг.

А я обтянула ляжки
В клеточку мини-юбкой,
Как брошенная дворняжка,
Кусаю в перчатке руку.

* * *

Обязательно думать про завтра и от завтра зависеть,
Будто всё, чем мы заняты, — производство бензина,
У меня много спичек, но в них никакого смысла,
Если топлива нет. Я согласна, чтоб меня увозили.

Забирай. Для удобства закинуть можешь на плечи,
Можешь кинуть в рюкзак, как сухоцветов охапку,
Спрятать в сумку, в карман, в камушек из колечка,
Но за топливо заплати, пожалуйста,
по прейскуранту.

Про уход не забудь. Я в питании непривередлива,
Только мне тяжело от испорченных слов
или взглядов,
А вообще я могу, например,
с тобой вместе пить пиво,
Разводить костры на песке
и ловить электрических скатов.

Я могу просыпаться в Каире, Неаполе, Аргентине,
В грустном маленьком городке
на краю среднерусской равнины,
Пить из чайника, быть бездомной и беспартийной,
И ещё — чирикать спичкой
над хворостом и бензином.

Содержание

«Можно мне полежать на твоём плече ... »	3
«Потому ты мне не жертва и не трофей... »	4
«Вскрыт, препарирован, вывернут наизнанку... »	5
«Расплакаться в комнате у своего врага ... »	6
«На полу моём разбросаны платья и кофточки ... »	7
«Гнилость под кожей не скроет ретушь ... »	8
«Ночь. Тёмная, как твои глаза ... »	9
«Пепельницу не меняю, в ней затаились окурки ... »	11
«Дорогой бог, прости меня ... »	12
«Знаешь, этот голод откуда-то из груди ... »	13
«Здесь жилище для чудаков ... »	14
«Не слушаться маму плохо ... »	15
«Обретаю себя плоть от плоти ... »	16
«Я болотная топь, трясина, в которой рассвет завяз ... »	17
«В бар бравой походкой входит толпа ковбоев ... »	18
«Тёмные кудри пахнут Евфрата и Тигра тиной... »	20
«Ошалелые снежинки мне в лицо ... »	21
«Распласталась на своей лежанке без простыней ... »	22
«Ты молишься своему богу, просишь ... »	23
«Кесарю кесаря, а мне себя ... »	25
«Войти в комнату: на обоях ручкой... »	26
«Подожди паковать чемоданы ... »	27
«Расплачиваясь на кассе, она улыбалась кассирше ... »	28

«Ты мой белый лисёнок, я твой рыжий лисёнок...»	30
«Я принесла тебе в детских ладонях черешню...»	31
«В одиночку можно, конечно, прожить...»	32
«Позови её, тотчас же прибежит...»	34
«По струнам гитарным плясали пальцы...»	35
«Наелась в буфете дряни...»	36
«Обязательно думать про завтра и от завтра зависеть...»	37

Александра Фёдоровна Половинкина
Нравится страдать

Редактор Виталий Молчанов
Выпускающий редактор Вячеслав Моисеев
Корректор Людмила Моисеева
Верстка — Леонид Маслов
Обложка — Алексей Кирилов

Допечатная подготовка:
Издательский центр МВГ,
e-mail: wgmoses@mail.ru,
тел. +7 (902) 365-41-99.

Подписано в печать 19.09.2019 г.
Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО «Универсальная Типография „Альфа Принт“»: 620049, Свердловская обл., г. Екатеринбург, переулок Автоматики, дом № 2ж.

Доп. тираж 50 экз. Заказ № 10472

ISBN 978-5-907080-83-6



9 785907 080836



Александра Фёдоровна Половинкина родилась 14 июля 1999 года в Оренбурге.

Учится на кафедре журналистики филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета. Участвовала в проектах «Другая среда» и «Декадент», в поэтических слэмах (2018–2019), в семинаре «Мы выросли в России» (2019). Публиковалась в журнале «Гостинный Дворь» (2019). Лауреат Всероссийской литературной Пушкинской премии «Капитанская дочка» (2019).

